

УДК 327.8+339.92

СТРАТЕГИЯ ВЕРНАДСКОГО

Ларуш Линдон Х. (1922 – 2019), выдающийся американский экономист и общественный деятель, автор концепции физической экономики, создатель «Движения Ларуша» и новостной службы Executive Intelligence Review

Аннотация

Данный текст представляет собой авторизованный перевод материала от 26 апреля 2001 г., опубликованного в майском выпуске журнала EIR за 2001 г., и позволяет объективно оценить в ретроспективе анализ и прогнозы Линдона Ларуша относительно развития мировой геополитической ситуации — как верные, так и ошибочные.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В.И. Вернадский, геополитика, мировое развитие, глобализм и антиглобализм.

THE VERNADSKY STRATEGY

LaRouche Lyndon H. (1922 – 2019), outstanding American economist and public activist, author of the concept of physical economy, creator of LaRouche movement and the news service Executive Intelligence Review

Abstract

This text is an authorized translation of material dated April 26, 2001, published in the May 2001 issue of the EIR magazine, and allows an objective assessment in retrospect of the analysis and forecasts of Lyndon H. LaRouche regarding the development of the world geopolitical situation — both correct and erroneous.

KEYWORDS: V.I. Vernadsky, geopolitics, world development, globalism and anti-globalism.

Как я повторно подчеркивал, в настоящее время существуют только три национальные культуры, которые способны концептуализировать инициативу глобальных решений таких глобальных проблем сегодняшнего дня, как ускоряющийся распад нынешней мировой финансовой системы. И вновь повторяю: это США, Россия и Британская монархия. В условиях олимпийской трагедии под названием «администрация Буша» лишь партнерство ряда стран Евразии, включающее Россию и страны континентальной Западной Европы, может в настоящее время положить начало именно такой инициативе, которая экстренно необходима сегодня.

По ряду причин, которые я изложу ниже, служить фигура биогеохимика Владимира Вернадского может служить тем объединяющим образом, в котором воплощен вклад постсоветской науки в совместное преобразование Евразии в целом. Эту программу евроазиатского развития следует рассматривать в качестве центрального звена перспективы глобального экономического развития как для Северной и Южной Америки, так и для Африки.

Действительно, при нынешних мировых условиях, такое евроазиатское развитие незаменимо не только для Африки, но и для стран Америки как жизнеспособных наций-государств.

Давайте рассмотрим это обстоятельство вначале с точки зрения старого вопроса о так называемой «геополитике», а затем определим, как применяется блестящее наследие Вернадского к науке и хозяйству не только Евразии, но и всего человечества в целом.

Геополитика — и ныне там

Тот стратегический контекст, в котором я приступаю к рассмотрению вопроса, сам по себе не нов. Примерно с 1877 года в центре геополитической доктрины, «большой стратегии» Британской монархии постоянным было стремление к разжиганию взаимно опустошающих конфликтов между Германией и Россией. В то же время все великие инициативы во имя прогресса человечества, со времен Гражданской войны в США, основывались на подспудном взаимодействии США с ключевыми государствами континентальной Евразии в практическом воплощении экономических идей Бенджамина Франклина, Александра Гамильтона, Фридриха Листа и Генри Ч. Кэри.

Следует вспомнить о том, что победа президента Авраама Линкольна над заговором конфедератов-ставленников Британской монархии, и последующее освоение американской экономической модели Россией [Александра III], Германией Бисмарка, Японией и другими странами, после Филадельфийской выставкой, посвященной 100-летию Декларации независимости, создало условия для сооружения трансконтинентальных железнодорожных систем на евразийском континенте, построенных по американской модели. По причинам, которым я уделял внимание в своих предыдущих статьях, это обстоятельство послужило предлогом для развития Британской монархией одновременно геополитической доктрины и военно-морского флота в конце XIX века и вплоть до момента втягивания Франции и России в войну против Германии, при поддержке таких марионеток Лондона, как Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон — верные сыны предательской Конфедерации.

Аналогично, в конце Второй мировой войны, когда влияние Британии сократилось до уровня второразрядной державы, Британская монархия, используя как традиционные венецианские методы, так и свою агентуру в США, выстроила архитектуру ядерного противостояния между США и Советским Союзом. Таким образом, Лондон приобрел

возможность эксплуатировать последствия Карибского кризиса, чтобы привести обоих стратегических соперников Британии к посткризисному саморазрушению, итогом которого является как современная англо-американская форма глобального доминирования, так и ввержение всего современно мира не только в величайший финансовый кризис в его истории, но и в преддверие всепланетного «черное средневековья».

В период с 1861 года по 2001-й основной актуальный вопрос мировой политики приобрел современную форму выбора — между эффективным стремлением к совместному экономическому развитию по крайней мере большинства народов континентальной Евразии, и мировым господством новой формы старой имперской морской власти венецианской финансовой олигархии, в виде англо-американской «новой Римской империи» под формальным руководством марионеточного «немного великана» Соединенных Штатов, который во времена как старшего, так и младшего Буша выступает в роли упрямого, тупого лакея Британской империи.

С нашим временем более сопоставим тот период истории, который внимательно изучал великий драматург Уильям Шекспир. Угроза, нависшая над миром сегодня, наиболее сопоставима с историей Европы периода длительного и разрушительного правления Плантагенетов с 1154 по 1185 год, от Генриха II до Ричарда III.

На протяжении этого периода дом Анжу, будучи союзником имперской морской державы — Венеции, играл ведущую роль в повторном разорении Европы. Эта роль дома Анжу и его «ультрамонтанское» стремление искоренить попытки создания суверенных наций-государств (как, например, при таких представителях Гогенштауфенов, как Фридрих II, или короле Испании Альфонсо Мудром), неизбежно обусловила не только «черное средневековье» Европы XIV века, но и его последующие катастрофические последствия в виде Столетней войны, как и «войны Алой и Белой Розы» в самой Англии.

Как и во времена союза Венеции с домом Анжу, бедствия постигли Европу в период 1511-1648 гг., в форме религиозных войн в интересах Габсбургов. Этот период современные историки иногда справедливо именуют «малым черным средневековьем» в европейской истории.

Всем, кто не желает прослыть в итоге помешанными, безграмотными или бездарными, следует признать то стратегическое обстоятельство, что мир в целом, включая внутреннюю ситуацию в Соединенных Штатах, находится лицом к лицу с историческим кризисом, последствия которого потенциально сопоставимы с наследием затяжного имперского правления Плантагенетов в разных частях Европы, в разные времена, и в Англии на протяжении этого времени. Использование таких особей, как Ариэль Шарон и прочие безумцы из бжезинско-хантингтоновского вывода («столкновение цивилизаций», проект «Демократия»), привело человечество к опасной грани повсеместного взрыва религиозных войн наподобие войн в Европе периода 1511-1648 годов.

Соединенные Штаты не смогут пережить продолжения нынешней политики правящей администрации Буша. Либо эта политика будет вскоре сдана в утиль, и Америка вернется к политике, созданной по образцу экономического возрождения при президентстве Франклина Рузвельта, либо экономическое саморазрушение США окажется неизбежным. Притом в условиях [этого саморазрушения] сохраняющееся англо-американское мировое господство, запущенное политикой Тэтчер и Буша старшего в период 1989-1991 годов, означает по существу неизбежный обвал цивилизации в целом в новое «черное средневековье» — столь же страшное, или более страшное, чем «черные» времена Европы середины четырнадцатого века.

Доступный шанс

Пока администрация Джорджа Буша будет продолжать свою нынешнюю безумную политическую линию, только в некоторых кругах Великобритании и в сотрудничестве России Владимира Путина с другими странами континентальной Евразии, можно изыскать активный потенциал для действительного зарождения эффективной альтернативы страшным последствиям того, что могло бы означать для мира в целом дальнейшее движение в бушевском направлении.

Даже в Соединенном королевстве, среди проводников, скажем так, не самой лучшей политики царит ужас перед последствиями острого психоза в нынешней администрации США, и перед зрелищем Конгресса, который продолжает самым малодушным, оппортунистическим образом поддаваться напору бушевской администрации и иже с ней.

Куда важнее — краеугольная роль России, которая состоит в связывании жизненных интересов государств Западной и Центральной Европы с комплементарными интересами Центральной, Юго-Восточной и Восточной Азии.

Говоря столь просто и точно, сколь того требует сжатое изложение, реальная экономика континентальной Западной и Центральной Европы не может в дальнейшем выжить без относительно здоровой экономики Германии. В свою очередь, экономика Германии не может избежать коллапса без значительного обновления удельного веса своей традиционной роли экспортера технологий. Выполнение как этой задачи, так и смежных задач континентальной Европы и Евразии в целом не может быть осуществлено без новой системы кредитования, основанной на суверенном праве государств выдавать долгосрочные кредиты под крупномасштабные проекты развития инфраструктуры и других технологий, направленных на рост физических производительных сил труда во всем масштабе Евразии.

Соответствующие методы возрождения экономики Германии и континентальной Европы в целом — это те методы, которые проповедовал д-р Лаутенбах в 1931 году на заседании Общества Фридриха Листа, те его предложения, которые, будь они реализованы, предотвратили бы приход Гитлера к власти, а, следовательно, и Вторую мировую войну. Это, по существу, те же принципы, которые успешно применял президент США Франклин Рузвельт. Те же подходы могли бы работать и сегодня, даже в нынешней экономической и финансовой ситуации в Европе и США, которая в своей совокупности значительно хуже, чем ситуация коллапса 1929-31 годов. Для этого требуется сдать в утиль всю ту политику, которая до сих пор приемлема для администрации Буша и которой придерживалась бы администрация экс вице-президента Гора.

В общем, комплекс мер, необходимых для спасения таких государств, как страны континентальной Европы, от крушения, крен к которому уже очевиден, должен состоять во введении системы фиксированных валютных курсов, контроля над движением капитала, обменного контроля, валютного контроля и протекционистских ценовых и торговых соглашений между странами-партнерами. Это, безусловно, подразумевает отказ от недавно усвоенного и тлетворного увлечения «свободной торговлей», «либерализацией» и «глобализацией», и возвращение к протекционистской, или так называемой гамильтоновской модели суверенной нации-государства. Это означает крупномасштабную реорганизацию

совокупных неисполнимых финансовых обязательств в мировом масштабе, в соответствии с понятием о реорганизации через банкротство, изложенным администрацией Франклина Рузвельта в «Главе 11» [Федерального закона о банкротстве].

Словно по наитию, в Германии и других странах континентальной Европы формируется тенденция в этом направлении, хотя и не достигшая так называемых «крайностей», в которых как раз и состоит путь экономического возрождения, необходимый для Европы. Если Европа хочет выжить, она должна пройти весь необходимый путь, в соответствии с решениями, которых требует от нее сложившаяся ситуация.

Однако, хотя Франция порой и демонстрирует действительно суверенную политику в некоторых избранных случаях, все же в результате совокупного опыта двух мировых войн, Карибского кризиса и последующих событий, ни одно из государств Западной и Центральной континентальной Европы в настоящее время не проявляет устремления к подлинно суверенным инициативам национальной политики, противостоящим англофонным державам. Эти государства продолжают мыслить в рамках самоограничения в том диапазоне, который, по их мнению, им дозволен англо-американскими властителями. Намерения у них хорошие, но до дела так и не доходят.

Вывести их из этого тупика может сотрудничество с Россией. Суть в том, что Западная Европа не сможет выжить при нынешних тенденциях иначе как через долговременное партнерство, точкой опоры которого является добровольное участие Россия Владимира Путина.

То обстоятельство, что Россия, в силу своей глубоко укорененной культурной интуиции, способна мыслить в контексте решений мирового масштаба, придает континентальной Западной Европе тот заряд воодушевления, которого ей недостает для движения вперед во имя своих жизненно важных суверенных интересов.

Таковую же ключевую роль играет Россия и во взаимодействии со странами Восточной, Центральной и Южной Азии. Группа государств, сложившаяся в результате трехстороннего сотрудничества России, Китая и Индии (то есть, вовлекая в процесс большинство стран Азии), создает разумную перспективу долговременного сотрудничества на прочной основе, которое в ее отсутствии было бы невозможно. В стремительно меняющихся экономико-стратегических

условиях, когда англо-американская финансовая мощь в значительной мере испаряется, будут, вероятно, предложены новые решения, и их, представьте себе, ожидает успех.

Возможности долговременного континентального евроазиатского сотрудничества (включая, разумеется, Японию), — иллюстрацией могут служить одна или две железнодорожные линии, соединяющие российский Дальний Восток и Корею с Японскими островами, — таким образом, создают тот краеугольный камень, от которого зависит возможность экономического выздоровления в мировом масштабе. В отсутствии этого краеугольного камня ситуация в уже разрушенной Африке неописуемо безнадежна, да и положение тех стран, представители которых недавно встретились в Квебек Сити, не внушает надежд.

В этой связи я уже подчеркивал в своих прежних публикациях, что развитие базовой экономической инфраструктуры территорий центральной и северной Азии, включая зону тундры, абсолютно необходимо для успеха предлагаемого мною глобального экономического развития. Как я уже подчеркивал ранее, чтобы представить себе, какое практическое применение имеет это развитие, нам следует взглянуть на необходимое развитие базовой экономической инфраструктуры глазами великого биогеохимика В.И. Вернадского.

Как я уже подчеркивал, нам необходимо осознать, что то, что мы именуем базовой экономической инфраструктурой, является совершенствованием биосферы за те пределы, в которых она способна саморазвиваться и самозащищаться без вмешательства человеческого разума. Мы должны рассматривать биосферу, таким образом усовершенствованную человеком, как, говоря словами Вернадского, «естественное явление» — продукт человеческого познания, который производит качественные усовершенствования в биосфере, необходимые для ее преобразования в качественно более развитую форму — в ноосферу.

Развитие базовой экономической инфраструктуры должно рассматриваться ни в коей мере не как разрушительное вмешательство в биосферу, но как необходимое усовершенствование качества биосферы как таковой, а также как такую форму усовершенствования, которая возвышает биосферу до более высокого уровня, делая ее частью ноосферы. Это не просто аргумент в защиту необходимости сохранения и развития биосферы

посредством базовой экономической инфраструктуры, но и тот императив, которым мы должны руководствоваться, изменяя биосферу посредством инфраструктурного развития.

Хотя ныне распространенные проекты инфраструктурного развития [в Евразии] сводятся к «новому Шелковому пути», это транспортное звено само по себе не удовлетворяет требований общего и устойчивого прироста экономического развития Евразии. Требуется не просто «новый Шелковый путь», а целая сеть коридоров транспортного сообщения, производства и распределения электроэнергии, крупномасштабного водного хозяйства и прочей инфраструктуры развития по осям коридоров до ста километров в ширину.

Сооружение таких коридоров вдоль оси транспортного магистралей не только сокращает чистые затраты на трансевразийский транспорт товаров, делая его значительно эффективнее морских перевозок. Такое развитие делает плодородными ныне малонаселенные регионы центральной и северной Азии, и даже ныне функционально бездействующие территории становятся зонами экономического развития. В новых условиях эти регионы Азии, за счет своих связей с другими, многонаселенными регионами континента, становятся самым мощным и цветущим плацдармом всепланетного экономического роста в ближайшем будущем.

На основе этих возможностей вкупе с природными ресурсами той территории, на которой должно свершиться это развитие инфраструктуры, евроазиатское сотрудничество, сосредоточенное на этой перспективе, становится величайшим шансом для Евразии в целом, как и экономическим двигателем, необходимым для развития Африки и стимулирования американских государств, партнерствующих в этой стратегии.

Особый характер востребованности в широкой основе развития базовой экономической инфраструктуры выводит на первый план фигуру Вернадского, которая оказывается в центре научного обоснования этого евразийскоцентрического сотрудничества в целом.

Надежда — там, где жизнь

Здесь следует остановиться на двух тезисах Вернадского в его исследовании природной организации Земли.

Он подчеркивал то аномальное, но непреходящее обстоятельство, что жизненные процессы производят измеримые физические изменения в неживых процессах, которые сами неживые процессы произвести не способны. Так он определил понятие биосферы.

Аналогично, подчеркивал он, вмешательство творческого, научного воздействия человека в биосферу производит измеримые формы физического совершенствования биосферы, которые не могут достигаться самой биосферой без человеческого вмешательства. Он определил нашу планету, на которой жизненные процессы преобразуют неживые, а познавательные процессы преобразуют живые процессы, как *ноосферу*.

Он подчеркивал то обстоятельство, что те экспериментально различимые результаты действия жизненных процессов, которые не могут быть произведены сопоставимыми неживыми процессами, являются *естественным явлением* — продуктом воздействия жизненных процессов на неживые. Аналогично, наблюдаемые в биосфере изменения, которых может достичь только познавательное действие человека, могут опытным путем определяться как *естественные явления* — продукты человеческого познания.

При всего лишь одном, хотя и существенном упущении, метод обобщения Вернадским открытий в аномалиях и принципах, сделанных им самим и другими учеными, в форме концепции ноосферы представлял собой необходимую революцию в общемировом способе мышления о научном знании. Несмотря на упомянутое упущение, к которому я вернусь ниже, применимость трудов Вернадского в целом к развитию Евразии выражается в трех достаточно очевидных аспектах.

Во-первых, по уже обозначенным выше причинам, глубина и масштаб развития базовой экономической инфраструктуры, включая коридоры развития, представляет собой беспрецедентный вызов как научным, так и чисто экономическим представлениям об освоении биосферы, которая сама является частью ноосферы. Революционная концепция биосферы Вернадского представляет собой существенное изменение в глубине подхода, который необходим стратегам для рассмотрения как биосферы, так и базовой экономической инфраструктуры как таковой.

Во-вторых, развивая базовую экономическую инфраструктуру центральной и северной Азии в обозначенном нами масштабе, на период предстоящей четверти и более века, мы делаем большую ставку на мудрость того выбора, который мы совершим. Нам необходимо, соответственно, сделать ставку на ускоренное развитие фундаментальных и связанных с ними

наук по новым осям исследовательской работы, контуры которых уже намечены в трудах Вернадского.

В-третьих, в числе наиболее важных применений наследия Вернадского в этой сфере обнаруживается и тот метод, с помощью которого его работы заставляют нас всматриваться в уже известные и ранее неизвестные аспекты физических принципов, отличающих жизненные процессы от неживых. Всего лишь одним из элементов этой картины является то обстоятельство, что мир находится перед лицом взрывоопасного кризиса управления инфекционными и подобными заболеваниями человека, животных и растительных организмов — перед вызовом, который подвигает нас на поиск более глубоких подходов к этой проблеме, в дополнение к существующим методам, которые угрожающе отстают перед новой реальностью.

Этих трех оснований достаточно для того, чтобы работа Вернадского особо высоко почиталась в осуществлении евроазиатского развития. К уже сформулированным соображениям, однако, следует добавить еще два.

Во-первых, возможно, в большей степени, чем кто-либо еще из фигур прошлого века, Вернадский поставил научное сообщество лицом к лицу с глубоким содержанием трудов таких своих предшественников, как Луи Пастер. Во-вторых, его деятельность включала стимулирование соответствующих научных исследований в странах бывшего СССР, где и в последние десятилетия это направление было развито больше, чем в остальном мире. Это одна из тех областей, в которой ведущие специалисты этих стран, несмотря на разрушительное воздействие экономических трудностей последних десятилетий, вносят достаточно уникальный и существенный вклад в научную практику и мировой прогресс в целом.

В силу вышеназванных пяти причин, образ непрерывного вызова науке и технике, представленный наиболее выпукло и наиболее комплексно в работах Вернадского, служит нам, возможно, в качестве наиболее адекватного олицетворения тех благ для всего человечества, которые извлекаются из основополагающего становления нового евроазиатского партнерства, из развития его базовой экономической инфраструктуры, как долговременного вклада в будущее всего человечества.

Итак, назовем это «синдромом Вернадского».

Римановский аспект

Сущность тезиса о ноосфере и его доказательства, представленные Вернадским, оказывают столь глубокое влияние на научное мышление, что, как и любой великий научный прорыв прежних столетий — как, например, труды великого первооткрывателя Иоганнеса Кеплера, ставит больше вопросов перед следующим поколением ученых, нежели дает ответов. Таким образом, работа Вернадского заставляет нас сегодня вернуться к открытиям Бернхарда Римана, без которых многое из достижений Вернадского и его коллег не сложилось бы в адекватно интегрированную форму. Аналогично, без переноса понятия ноосферы в контекст моей области знания, физической экономики, практическое применение понятия ноосферы к экономике неосуществимо.

И поскольку мои ранние открытия в области физической экономики привели меня к открытию значения работ Римана как пути обобщения этих открытий, мое собственное увлечение трудами Вернадского развивалось более или менее разрозненными эпизодами на протяжении последних четырех десятилетий.

В данном случае следует принять во внимание определенную концептуальную проблему с нижеследующими принципиальными характеристиками.

Ключевым здесь является представление о существовании универсального принципа жизни как таковой, принципа, отличного от чего бы то ни было существующего в неживых процессах, если на них не оказывают влияние жизненные процессы. Это понятие имеет долгую историю в пределах экспериментальной математической физики как таковой.

Первым основополагающим примером является обобщенное Платоном в диалоге «Тимей» предположение о существовании универсального, измеримого принципа жизни, не обнаруживаемого в неживых процессах, сделанное на основе аномалии в проявлении открытия принципа пяти правильных многогранников.

Лука Пачоли и Леонардо да Винчи, два последователя кардинала Николая Кузанского, которые, помимо других заслуг, основали экспериментальную физическую науку, особо подчеркивали значение свидетельства Платона, а вслед за ними и Иоганнес Кеплер — признанный последователь Кузанского, Пачоли и Леонардо. На этих принципах Кеплер

основывал все свои принципиальные открытия в физической науке, включая собственное открытие универсальной гравитации.

Однако вмешательство эмпиризма, привнесенного Паоло Сарпи, привело к тому, что современная официальная наука разделилась надвое между последователями классической науки Платона, Кузанского, Пачоли, Леонардо, Гильберта, Кеплера, Гюйгенса, Лейбница, Гаусса, Монге, Гаусса, Александра фон Гумбольдта, Римана и др., — и, с другой стороны, эмпиристами и картезианцами. При этом все эмпиристы, особенно их радикальное крыло, именуящее себя логическими позитивистами, утверждают, будто жизнь есть результат действия механических принципов. Последняя экстремистская группа представлена ныне кабинетными доктринами тех, кто сводят жизнь к продукту молекулярной биологии.

Таким образом, влияние эмпиристской школы и ее последователей в огромной степени затормозило те достижения, которые могли бы свершиться, если бы радикальный редукционистский подход не захватил относительную гегемонию в относительно высокооплачиваемых отраслях научной практики. В значительной степени по этой причине научные свидетельства, на которые ссылается Вернадский, говоря о принципе жизни как таковой, разбросаны на горизонте отдельными фрагментами. Мы располагаем значительной коллекцией экспериментально подтвержденных аномалий, отражающих тот факт, что жизнь представляет собой отдельный универсальный физический принцип, самостоятельный от неживых процессов; однако нам недостает некоего скоординированного коллективного труда, который мог бы свести множество разрозненных подтвержденных аномалий в форму, необходимую для того, чтобы приблизиться к условиям, в которых мы, в конечной точке, окажемся в состоянии определить соответствующий универсальный принцип жизни как таковой.

Вернадский был прав, упоминая о полученных им предложениях, в том, что характер связей между различными типами аномалий следует концептуально рассматривать с точки зрения работы Римана о многосвязных гипергеометрических многообразиях. Именно с такой ситуацией мы сталкиваемся в моей специальности, в науке физической экономики, в которой мы стремимся к постижению принципа познания, исходя из его эффективного выражения в различных средах; ключевой здесь является именно риманова многосвязность.

Следует поощрять деятельность специалистов в различных разновидностях аномальных биогеохимических явлений, набирать и снаряжать коллективы из одаренных студентов и практиков, чтобы заполнить множество экспериментальных пробелов в наших исследованиях этих аномалий. Особую ценность имеют такие кадры из бывшего СССР. Воссоздание научных мощностей в этих областях биогеохимии, на основе правильного применения науки физической экономики к миссии развития евразийской инфраструктуры, может послужить также средством для восстановления истощившихся в последние годы общих научных мощностей бывшего СССР.

Наконец, эффективные формы фундаментальной научной работы — это глубоко личностные.

Отпечаток разума ведущего специалиста — интегральная часть компетенции, которую научный руководитель стремится развивать в своих учениках и сотрудниках. Наука столь же близка к коллективному труду, как Архимед, восклицающий «Эврика!» — к своей аудитории, но в то же время высоко личностная и индивидуальна. Эта индивидуальность проявляется в старании студента заново пережить экспериментально подтвержденный акт познания, совершенный его предшественником, воспроизвести первоначальное открытие основополагающего физического принципа, в своем разуме так, как это произошло в разуме предшественника. Так авторы великих открытий, даже давно умершие, и сегодня оказывают неповторимое персональное воздействие на самые тонкие мыслительные процессы как студента, так и ведущего научного сотрудника.

Итак, пусть же подлинный мыслительный процесс великого Вернадского воспроизведется в умах специалистов и одаренных студентов сегодняшнего дня. Стремясь достичь желаемого результата, начнем с того, что вспомним его имя.